

Краснов Петр Николаевич

На рубеже Китая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Николаевич К.**
На рубеже Китая / Краснов Петр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 126 с.

ISBN 978-5-519-90923-5

ISBN 978-5-519-90923-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Мы расскажем, какъ служили,
Какъ границу берегли,
Хотя денегъ не нажили
За то славушку нашли.*

*Слава Русская большая,
Ей гордимся завсегда...*

*Пускай Царь нашъ не боится,
Что на Русь идетъ чума:
Наша Русская граница
Есть Китайская земля.*

КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ.

1. «Тетенькинъ хвостикъ»

Къ началу 1911-го года мнѣ стало казаться, что я скоро получу въ командованіе полкъ. Мнѣ шелъ 42-й годъ, и хотѣлось, пока есть еще физическія силы, командовать полкомъ «какъ слѣдуетъ», показать, что можно сдѣлать изъ казачьяго полка, гдѣ офицеры — воины по рожденію, а нижніе чины — казаки — люди, о которыхъ неизвѣстенъ мнѣ поэтъ сказалъ:

...«Гвозди-бы дѣлать изъ этихъ людей,
Крѣпче-бы не было въ мірѣ гвоздей»...

Была у меня еще особая причина, побуждавшая меня желать принять, какъ можно скорѣе полкъ. Въ 1906-мъ году въ «Военномъ Сборникѣ» были напечатаны мои статьи «О строевомъ командованіи казачьимъ полкомъ». Въ этихъ статьяхъ, на основаніи опыта Японской войны, я проводилъ свои взгляды на воспитаніе, обученіе и маневрированіе казачьяго полка. Статьи эти вызвали рѣзкую критику, и письменную и словесную. Отвѣчать, полемизировать по такому жизненному вопросу на газетныхъ столбцахъ не хотѣлось. Единственнымъ отвѣтомъ могло быть — самому стать во главѣ полка и показать на примѣрѣ правильность предлагаемыхъ методовъ. Критикѣ противопоставить дѣйствіе, или, какъ теперь говорятъ — фактъ.

Собственно говоря, никакихъ данныхъ къ тому, чтобы я могъ получить полкъ, у меня не было. Всего годъ тому назадъ, на Пасху 1910-го года, я былъ произведенъ «за отличіе по службѣ» въ полковники, на такъ называемую «атаманскую» ваканцію. Это производство лишило меня гвардейскаго мундира и чести быть Л. Гв. въ Атаманскомъ пол-

ку, такъ какъ я обгонялъ товарища, бывшаго годомъ старше меня по выпуску. Зачисленъ я былъ по Донскому Войску и надѣлъ скромный армейскій мундиръ. Какъ всего годъ тому назадъ произведенный въ полковники, я еще не былъ внесенъ въ кандидатскіе списки на полкъ и потому правъ на полученіе полка не имѣлъ ни въ очередь, ни внѣ очереди.

Я могъ получить полкъ только по особой протекціи, пробраться къ полку, такъ сказать, какъ описывается про поросенка въ баснѣ-стихахъ — держась за тетенькинъ хвостикъ.

Вотъ такой то тетеньки, такъ художественно живо описанной Юріемъ Галичемъ въ романахъ «Звѣріада» и «Синіе кирасиры», въ образѣ «тантъ Мари», дамы великосвѣтской, бывающей въ «салонахъ», возвращающейся въ «высшихъ сферахъ», могущей напомнить, во время подсказать, составить протекцію за вечернимъ бриджемъ, или за чашкой дневного чая, убѣдить кого надо, что «конечно, кандидатскій списокъ есть до нѣкоторой степени законъ, но вѣдь есть пути, по которымъ можно обойти этотъ законъ. Дали же В. гвардейскій полкъ, когда онъ вовсе не командовалъ армейскимъ, или С. получилъ полкъ не будучи кандидатомъ? На то есть **высочайшая** воля... Такъ почему же моему племяннику, который такой сякой распродостойнѣйшій штабъ-офицеръ — не дать полка? Вы говорите объ омоложеніи арміи, ну вотъ — и омолодите»...

Но такой «тантъ Мари» у меня не было.

Однако, если сравнить мою судьбу съ судьбою моего сверстника, который жилъ въ провинціи, вышелъ не изъ военной сре-

ды, учился въ провинціальныхъ училищахъ, служилъ не въ столицѣ, скромно и незамѣтно тянулъ лямку строевого офицера гдѣ нибудь въ глуши, то разница между такимъ штабъ-офицеромъ и мною оказывалась значительная и не въ его пользу. Какъ ни хотѣлъ законодатель установить равенство для всѣхъ — это равенство постоянно и безъ всякихъ «тетенекъ» нарушалось — жизнью.

Въ тѣ времена, до Великой войны, — хотя наша армія была безсословной и очень много офицеровъ были изъ крестьянскаго, купческаго и духовнаго званія, и даже на самыхъ высокихъ постахъ были вышедшіе, что называется, «изъ низовъ», были люди «безродные» — каста все таки сказывалась, и человѣкъ съ военной фамиліей, болѣе бросался въ глаза при всяческихъ перемѣнахъ карьеры. Я же былъ кругомъ изъ военной семьи. На верхахъ знали моего отца — ученаго военнаго, автора многихъ историческихъ и статистическихъ трудовъ о Донскомъ войскѣ, помнили моего дѣда, Георгіевскаго кавалера и командира Лейбъ-Казакъ. Въ нынѣ разрушенномъ большевиками храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, на мраморной доскѣ золотыми буквами было записано имя моего пра-пра-дѣда, убитаго подъ Колоцкимъ монастыремъ 25-го августа 1812 года, наканунѣ Бородинскаго сраженія. Грибоѣдовское о Москвѣ (Фамусова)

...«Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари
ведется,

Что по отцу и сыну честь»...

было въ силѣ и въ Петербургѣ.

Я родился и выросъ въ Петербургѣ и кончилъ Петербургскіе корпусъ и училище. Я годъ пробылъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба. Мои учителя и профессора, которые знали меня кадетомъ, юнкеромъ и на младшемъ курсѣ Академіи — были теперь на верхахъ. Они меня не забыли.

Первые восемь лѣтъ своего офицерства я постоянно скакалъ на «Конкуръ иппикъ» въ Михайловскомъ манежѣ, принималъ участіе въ скачкахъ въ Красномъ Селѣ и въ

только что начинавшихся тогда дистанціонныхъ пробѣгахъ. Лошадь у меня была всего 3/4-кровная, Стрѣлецкаго Государственнаго завода. На скачкахъ мое мѣсто поэтому обыкновенно бывало первымъ... съ конца. Но прыгала она великолѣпно и на стоверстныхъ пробѣгахъ бывала и на вторыхъ мѣстахъ. Но, главное, — она была такой масти, что невольно запоминалась. Свѣтло-гнѣдая — она (въ ней была примѣсь арабской и карабахской крови) была совершенно золотая. Положишь ей на крупѣ золотой — мы въ тѣ времена жалованье получали золотомъ и серебромъ — и золотого не видно, такъ сливается онъ съ блескомъ ея шерсти. Звали ее Градъ. (Онъ былъ — сынъ Горца и Ивы, внукъ знаменитаго Искандеръ-бека, имѣвшаго въ себѣ кровь Абейна Серебрянаго). Этого Града за его масть, за его прыжки въ манежѣ зналъ весь Петербургъ.

Зналъ его и Государь Императоръ, еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, а потомъ и Государемъ посѣщавшій Михайловскіе конкуры и видѣвшій Града на скачкахъ, парадахъ, маневрахъ и смотрахъ.

Въ 1897-мъ году былъ я Начальникомъ Конвоя Россійской Императорской миссіи въ Абиссиніи, потомъ долгое время адъютантствовалъ въ полку и сталъ часто писать въ «Русскомъ Инвалидѣ», подписывая свои статьи именемъ любимой лошади: «Градъ» — «Гр. А. Д.».

Когда, послѣ многихъ моихъ статей, Государь Императоръ узналъ, какой это самозванный «графъ» пишетъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», Государь сталъ и меня заочно называть «Градомъ». Такъ, любуясь въ 1910 году въ Офицерской кавалерійской школѣ, на конномъ праздникѣ лихой джигитовкой есаула Н. А. Краснова, моего однофамильца, Государь Императоръ спросилъ Начальника Школы Генерала Химеца:

— Этотъ Красновъ — не родственникъ Града?

Государь Императоръ зналъ меня и лично. Мнѣ приходилось имѣть счастье неоднократно представляться Его Величеству. Я

подносилъ Государю для Него и для Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича свои труды: — «Атаманскую Памятку», «Картины былого Тихого Дона», «По Азіи» и «Годъ войны». Государь постоянно читалъ фельетоны, подписанные Гр. А. Д. и нѣкоторые возвращались Военному Министру съ собственноручной отмѣткой Государя синимъ карандашомъ, требовавшей справки.

Знала меня и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. По возвращеніи изъ Абиссиніи въ 1898-мъ году я читалъ докладъ въ Гатчинскомъ Дворцѣ, на которомъ присутствовали Государыня, Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна Ольга Александровна. Нѣсколько лѣтъ послѣ, моя жена, извѣстная камерная пѣвица, пѣла у Государыни датскія народныя пѣсни и романсы Ц. А. Кюи, подъ аккомпаниментъ самого композитора.

Военнымъ министромъ въ 1911 году былъ Генералъ-Адъютантъ Сухомлиновъ, бывший раньше Начальникомъ Офицерской кавалерійской Школы и носившій ея мундиръ. Онъ часто бывалъ въ школѣ и зналъ всѣхъ офицеровъ постоянного ея состава. Онъ зналъ меня и раньше по Курскимъ маневрамъ 1903 года, на которыхъ онъ былъ Начальникомъ Штаба генерала Куропаткина, а я былъ при Куропаткинѣ ординарцемъ.

Помощникомъ Военнаго Министра былъ Генералъ-Лейтенантъ Поливановъ. Онъ, въ бытность полковникомъ и редакторомъ «Русскаго Инвалида», увлекъ меня на постоянное писательство въ «Инвалидъ», онъ устраивалъ мнѣ командировки въ Маньчжурію, Китай, Японію и Индію, въ 1901 г., на границы Персіи и Турціи въ Закавказьѣ, въ 1902 году и на Русско-Японскую войну. Мы съ нимъ «пудъ соли съѣли», были знакомы семьями. Онъ бывалъ у насъ на музыкальных вечерахъ, которые устраивала моя жена; она не разъ пѣла на вечерахъ у Поливановыхъ.

Начальникомъ Главнаго Штаба былъ Генералъ-Лейтенантъ Николай Петровичъ Михневичъ. Въ чинѣ капитана онъ читалъ лек-

ціи Военной исторіи въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ училищѣ и я былъ любимѣйшимъ его ученикомъ.

Дежурнымъ Генераломъ Главнаго Штаба, вѣдавшимъ личнымъ составомъ арміи былъ Генералъ-Маіоръ Петръ Константиновичъ Кондзеровскій. Мы были съ нимъ одновременно фельдфебелями — онъ въ 3-ей ротѣ 2-го военнаго Константиновскаго Училища, я въ ротѣ Его Величества 1-го военнаго Павловскаго.

Но, самое главное, для **назначенія** на полкъ у меня были очень хорошія **отношенія** съ Инспекціей кавалеріи.

Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи былъ Генералъ отъ кавалеріи Всеволодъ Матвѣевичъ Остроградскій, его помощникомъ — Генералъ-лейтенантъ Константинъ Антоновичъ Ширма и Начальникомъ штаба — Генералъ маіоръ баронъ Николай Александровичъ фонъ Дистерло.

У перваго я работалъ по составленію казачьихъ уставовъ, по обученію регулярной кавалеріи работѣ ликой и т. п. Я часто бывалъ приглашаемъ завтракать къ радушному и хлѣбосольному Всеволоду Матвѣевичу и былъ знакомъ съ его семьею. Это былъ исключительно благожелательный къ подчиненнымъ человѣкъ и это онъ не разъ говорилъ:

— Пора вамъ, Петръ Николаевичъ, командовать полкомъ.

Второй еще недавно былъ — моимъ командиромъ полка. При немъ я былъ полковымъ адъютантомъ. На моей свадьбѣ онъ былъ моимъ посаженнымъ отцомъ. Когда онъ ушелъ изъ полка между нами установились самыя искреннія, дружескія отношенія. Въ 1910 году я сопровождалъ генерала Ширму въ его инспекторской поѣздкѣ въ льготные лагеря Донского, Терскаго, Уральскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ, а послѣ, я съ нимъ объѣзжалъ Запасныя кавалерійскіе полки, и по указаніямъ генерала Ширмы писалъ для него доклады въ Инспекцію. Онъ былъ вполне «свой» человѣкъ и очень меня любилъ.

Генераль-маіоръ Дистерло до назначенія начальникомъ штаба Генераль-Инспектора кавалеріи былъ Правителемъ дѣлъ въ Офицерской кавалерійской Школѣ. Мы съ нимъ много вмѣстѣ работали, были на «ты» и въ чисто товарищескихъ отношеніяхъ.

А вѣдь это именно Штабъ Генераль-Инспектора кавалеріи распоряжался всѣми назначеніями на должности командировъ полковъ въ кавалеріи и казачьихъ войскахъ.

Такимъ то образомъ и выходило, что и безъ всякой «тантъ Мари» былъ у меня совсѣмъ особый и, пожалуй, и очень даже крѣпенькій «тетенькинъ хвостикъ», держась за который и пробирался я совсѣмъ для себя

незамѣтно къ полку, преодолевая всѣ преграды законовъ и кандидатскихъ списковъ. Ибо въ концѣ то концовъ люди, а не боги пишутъ законы и люди же призваны ихъ исполнять.

Несправедливость? — Нѣтъ, — жизнь.

Потому что такъ естественно старшему начальнику назначить на отвѣтственный постъ, дать повышение человѣку, котораго онъ лично и хорошо по службѣ знаетъ и предпочесть его тому, о комъ онъ можетъ судить лишь по аттестаціи третьяго лица, назначить, такъ сказать, «на вѣру».

Свой глазъ — алмазъ — чужой стеклышко.

2. На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся

Въ этомъ году шла чистка на верхахъ казачьихъ войскъ, и очень часто освобождались казачьи полки. Ихъ получали, между прочимъ, люди нѣсколькими годами моложе меня, но болѣе счастливые въ производствѣ, попавшіе раньше въ полковники и бывшіе уже въ кандидатскомъ спискѣ. Меня раздражало не то, что они получали полки, а я нѣтъ, — мы были воспитаны въ сознаніи необходимости и неизбежности очереди; насъ не удивляло и не возмущало, что Л. Гв. въ Гусарскомъ полку полковники были тридцати лѣтъ, а въ Кавалергардскомъ и Л. Гв. Кирасирскомъ Ея Величества полкахъ и за сорокъ лѣтъ сидѣли въ ротмистрахъ. Это была фортуна. Мнѣ было досадно, что многіе, получавшіе полки были совершенно равнодушны къ строю, смотрѣли на полкъ, какъ на неизбежное зло при прохожденіи службы, какъ на служебный стажъ, необходимый для карьеры. Притомъ все это и были самые свирѣпые критики моихъ статей «о командованіи полкомъ» и они-то, конечно, ничего изъ моихъ предложеній принимать не будутъ.

Въ 1910-мъ году Офицерская Кавалерійская Школа праздновала столѣтній юбилей

своего существованія и получила права и преимущества старой гвардіи. Съ этого года Государь Императоръ сталъ въ день Школьнаго праздника, 9-го мая, приглашать офицеровъ Постояннаго состава Школы къ завтраку во дворецъ. Такъ какъ въ этотъ же день былъ полковой праздникъ и Кирасирь Ея Величества, то приглашались мы вмѣстѣ съ кирасирами.

Такое приглашеніе получили мы и въ 1911-мъ году, въ Александровскій дворецъ, въ Царскомъ селѣ.

Наканунѣ я отправился рыбнымъ ядомъ и былъ боленъ всю ночь. Къ утру, овладѣвъ собой, силой воли заставилъ себя встать, затянулся въ мундиръ и поѣхалъ въ Царское Село. Видъ у меня былъ не слишкомъ «авантажный», но никто ничего въ волненіи не замѣтилъ.

Мое мѣсто за завтракомъ было напротивъ и нѣсколько наискось отъ Государя. Военный министръ былъ въ командировкѣ, генерала Поливанова тоже не было — ихъ замѣщалъ начальникъ Главнаго Штаба Генераль Михневичъ.

Я почти ничего не ѣлъ и не пилъ и, возможно, что больное лицо мое не имѣло нуж-

наго праздничнаго отраженія и было грустно. Я съ трудомъ перемогался.

Государь часто на меня поглядывалъ и, казалось мнѣ, — ласково и, быть можетъ, про меня говорилъ сидѣвшему по лѣвую его руку генералу Безобразову, тогда командиру Гвардейскаго Корпуса, въ недавнемъ прошломъ Начальнику нашей Школы, хорошо меня знавшему и очень ко мнѣ расположенному. (Тоже, если хотите: — «тетькинъ хвостикъ»).

По окончаніи завтрака, Государь обошелъ столъ и направился къ Генералу Михневичу, сидѣвшему съ моей стороны. Проходя мимо меня Государь взялъ меня за руку выше локтя и подвелъ къ Михневичу.

— Николай Петровичъ, — сказалъ Государь, — когда же вы дадите Краснову полкъ?

— Сколько мнѣ извѣстно, Ваше Величество, — отвѣчалъ генералъ Михневичъ, — полковникъ Красновъ не числится въ кандидатахъ на полкъ.

— Надо, надо ему дать полкъ, — сказалъ Государь, отпустилъ мою руку и пошелъ изъ столовой.

— Вотъ занесутъ васъ въ кандидатскій списокъ, — сказалъ Михневичъ, видимо недовольный этимъ разговоромъ, — тогда и будемъ о васъ думать.

Къ Михневичу подошелъ генералъ Безобразовъ и своимъ барскимъ, безпечнымъ голосомъ сказалъ:

— Для Краснова вы должны и можете сдѣлать исключеніе, разъ этого желаетъ Государь.

— Законъ, — сухо сказалъ Михневичъ и вышелъ вмѣстѣ съ Безобразовымъ изъ столовой.

Въ ушахъ у меня звенѣло, въ глазахъ темнѣло и отъ усталости и болѣзни и отъ радостнаго волненія. Государь сказалъ!.. Государь самъ пожелалъ, чтобы мнѣ дали полкъ!

Дня черезъ два сказались и результаты этого разговора. Часовъ около 11-ти ночи ко мнѣ прибѣжалъ вѣстовой изъ Офицерскаго собранія и доложилъ, что по теле-

фону передали, что меня немедленно къ себѣ требуетъ генералъ Поливановъ. Своего телефона у меня не было и сношенія шли черезъ собраніе, помѣщавшееся напротивъ моей казенной квартиры. Меня это нисколько не удивило. Такъ уже установилось, что почти каждую недѣлю и, всегда ночью, въ двѣнадцатомъ часу, когда генералъ Поливановъ кончалъ свои текущія работы, онъ вызывалъ меня къ себѣ и указывалъ, что долженъ я написать въ очередномъ фельетонѣ «Русскаго Инвалида» — «Вторники у Генерала Бетришева». Темы были самыя разнообразныя: — писалъ я о количествѣ калорій въ солдатской пищѣ по новой раскладкѣ, о шкалѣ наказаній въ кадетскихъ корпусахъ, когда основательно раздѣлалъ проектъ установленія, «въ видахъ справедливости», определенныхъ наказаній за опредѣленные проступки, не считаясь съ индивидуальными свойствами каждаго кадета. Писалъ я и о Задонскомъ коневодствѣ и о домѣ для инвалидовъ Японской войны на Охтѣ и т. д. и т. д. Въ большинствѣ вопросы, по которымъ я долженъ былъ писать, мнѣ были совершенно неизвѣстны. Генералъ Поливановъ давалъ мнѣ соотвѣтствующій матерьялъ — книги, «министерскія дѣла», доклады, иногда самъ диктовалъ мнѣ, что и какъ я долженъ былъ освѣтить въ своемъ очередномъ фельетонѣ, а я, сидя за громаднымъ столомъ въ его кабинетѣ на Малой Итальянской улицѣ противъ цирка Чинизелли, быстро, карандашомъ записывалъ подъ его диктовку. Часто бесѣда заканчивалась словами:

— Съѣздите, посмотрите сами... Я предупреждаю о вашемъ посѣщеніи. Тогда и опишете то, что сами увидите.

Эта моя работа въ «Русскомъ Инвалидѣ» (а иногда по очень боевымъ вопросамъ мнѣ приходилось писать такія статьи и въ «Новомъ Времени») была нужна Военному Министерству для подготовки общественнаго мнѣнія для принятія того или иного предложенія Министра. Она была нужна и для «комиссіи по оборонѣ» Государственной Ду

мы и для самой Думы. На «вторникахъ у генерала Бетрищева» какіе то вымышленные мною люди обсуждали вопросы, а черезъ нѣсколько дней по этимъ вопросамъ приходилось говорить въ Думѣ, или комиссіи по оборонѣ, и неизвѣстный Гр. А. Д. невольно подсказывалъ рѣшенія, благоприятныя Военному Министерству.

Я сейчасъ же поѣхалъ къ генералу Поливанову.

Поливановъ встрѣтилъ меня въ своемъ кабинетѣ, ласково улыбаясь своей кривой, и отъ этого всегда кажущейся насмѣшливой, улыбкой.

— Простите, — сказалъ онъ, — что я вызвалъ васъ такъ поздно. Но, думаю, вы не постѣжете на меня — это вамъ будетъ интересно. Вы знаете, что освобожденъ 12-й Донской казачій полкъ? Знаете вы этотъ полкъ? Хорошій это полкъ?

— Отличный полкъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я, — догадываясь, къ чему клонитъ Поливановъ. — Онъ стоитъ въ Радзивиловѣ. Я знаю, что недавно Инженерное вѣдомство построило ему прекрасныя казармы. Мнѣ писалъ оттуда мой бывший однополчанинъ, онъ командуетъ теперь гамъ сотней — отличныя казармы. Полкъ въ полномъ порядкѣ, отличныя лошади, свои Донскіе казаки.

— На желѣзной дорогѣ, — вставилъ Поливановъ, — на прямой линіи на Вѣну. Такъ, что вамъ полкъ нравится?.. А что скажетъ командирша?

— Я думаю, что она будетъ только счастлива.

— Вы можете иногда прокатиться въ Вѣну и отдохнуть тамъ. А? Что вы объ этомъ думаете?

— Я объ этомъ и не мечтаю.

— Такъ вотъ... Если вы согласны? Я васъ представляю, и послѣ завтра, много черезъ три дня вы прочтете въ «Инвалидѣ» о вашемъ назначеніи.

— Покорно благодарю ваше превосходительство.

— Вотъ только за этимъ я васъ и потревожилъ. Можете быть свободны. Я очень

занятъ сегодня, бесѣдовать мы не будемъ. Радъ за васъ. Покойной ночи. Впрочемъ вы, пожалуй, и спать сегодня не будете...

И опять та же кривая, ласковая усмѣшка освѣтила серьезное лицо Поливанова.

Я не шелъ, а летѣлъ домой. Полкъ!.. Полкъ!.. И какой блестящій!.. Свой, Донской!.. Прекрасная стоянка, при желѣзной дорогѣ. Мнѣ писали — изъ оконъ офицерскаго собранія видна австрійская земля — всего четыре версты до границы!.. Война?! Тѣмъ лучше: — Шашки къ бою! и... на войну! Впрочемъ, о войнѣ, да еще съ Австріей мы не думали. Въ Австріи сидитъ престарѣлый Францъ Іосифъ, своимъ престоломъ обязанный Россіи...

Но... прошло три дня, а на четвертый я прочелъ въ «Инвалидѣ» о назначеніи командиромъ 12-го Донского казачьяго полка очередного армейскаго кандидата, а вовсе не меня.

Генералъ Поливановъ хотѣлъ провести меня въ приказъ до возвращенія изъ командировки Военнаго Министра, котораго онъ замѣщалъ, но генералъ Сухомлиновъ вернулся днемъ раньше, а между Военнымъ Министромъ и его ближайшимъ помощникомъ существовали такія отношенія, что стоило генералу Поливанову предложить что нибудь, чтобы Сухомлиновъ сдѣлалъ напротивъ.

Меня такое назначеніе огорчило, хотя я по нималъ, что сдѣлано оно было совершенно правильно — «по линіи», и мнѣ оставалось только ждать, когда эта линія подойдетъ ко мнѣ.

Въ Школѣ заканчивались экзамены, шли случайныя лекціи. Полковникъ Баженовъ читалъ о французской кавалеріи, на маневрахъ которой онъ недавно былъ, князь Багратіонъ разбиралъ только что вышедшую книгу германскаго генерала фонъ Бернгарди о роли кавалеріи въ будущей войнѣ — незавидной роли — ѣздящей пѣхоты.

Я былъ очень занятъ. Помимо занятій въ казачьемъ отдѣлѣ и редактированія «Вѣстника Русской конницы», я по вечерамъ бывалъ въ комиссіи по выработкѣ новыхъ ка-

валерійських уставовъ и наставленій. Комиссія собиралась на квартирѣ начальника Штаба Генераль Инспектора кавалеріи генераль-маіора фонъ Дистерло. Въ ней засѣдали вмѣстѣ со мною, извѣстный своими крайними взглядами и острымъ умомъ, генераль-маіоръ Петръ Ивановичъ Залѣсскій, полковникъ Василій Викторовичъ Бискулскій и другіе. Наши засѣданія заканчивались поздно ночью семейнымъ ужиномъ у барона Дистерло.

Такъ прошло еще около недѣли, когда меня вызвалъ къ телефону генераль Дистерло и сказалъ мнѣ:

— Рѣшено дать тебѣ 1-й Читинскій, или 1-й Аргунскій казачій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска. Стоянка — одного въ Читѣ, другого на станціи Даурія. Ты ничего не имѣешь противъ?

Я имѣлъ очень много противъ. Въ 1901 году я съ женой верхомъ исколесили всю Маньчжурію и были въ Забайкальи. У моей жены осталось очень тяжелое впечатлѣніе отъ этихъ мѣстъ. Во время Японской войны я видѣлъ Забайкальскіе полки 1-й очереди въ отрядѣ генерала Мищенко и 2-й очереди въ отрядѣ генерала фонъ Ренненкампа. Маленькія, монгольскія лошади... Ёздящая пѣхота... Много бурятъ среди казаковъ. Хроническій недостатокъ офицеровъ. Очень ужъ самобытный народъ, трудно управляемый. Буранныя зимы, жаркое лѣто съ «гносомъ» въ степи и тайгѣ... Сибирь! Мѣста весьма отдаленныя!.. Своего рода — ссылка!

Но, съ дѣтства усвоивъ сказанныя отцомъ слова: — «на службу не напрашивайся — отъ службы не отказывайся», — я отвѣтилъ согласіемъ. Чѣмъ труднѣе условія, тѣмъ интереснѣе работать.

Прошло еще два дня, въ которые мы съ женой внутри себя переживали это назначеніе. Чита, или Даурія — не все ли равно?.. Какъ то тамъ придется жить?

На третій день, когда я шелъ изъ собранія домой я встрѣтилъ генерала Дистерло.

— А я къ тебѣ, — сказалъ мнѣ Дистерло. — У меня къ тебѣ и отъ себя и отъ полковника Крымова большая просьба.

Въ ту пору полковникъ Генеральнаго Штаба Крымовъ читалъ у насъ въ Школѣ лекціи и я съ нимъ часто встрѣчался. Всѣ мы любили этого крѣпкаго энергичнаго и способнаго штабъ-офицера.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ я.

— Не согласишься ли ты помѣняться полками съ Крымовымъ. Ему даютъ 1-й Сибирскій казачій Ермака Тимофеева полкъ. Это въ Джаркентѣ, на границѣ Китайскаго Туркестана, 1096 верстъ отъ желѣзной дороги. А у Крымова, самъ знаешь, семья. Въ Джаркентѣ кромѣ городского училища ничего нѣтъ, въ Читѣ гимназія, у Крымова сынъ и дочь въ гимназіи. Васъ двое. Твоя жена спортсменка — ей легче сдѣлать этотъ путь, чѣмъ Крымовой съ дѣтьми, а для тебя, ей Богу, даже лучше. Прямо — совѣтую мѣняться. Въ Читинскомъ полку ни копѣйки экономическихъ суммъ, не говоря про хозяйственныя... 200 тысячъ рублей долга. Придется тебѣ только платить долги, а не совершенствовать полковое хозяйство. Въ Сибирскомъ полку экономическія суммы полностью и даже хозяйственныхъ есть что то около трехъ-сотъ рублей, есть съ чего начинать. Соглашайся. Доброе дѣло сдѣлаешь.

Чита, Джаркентъ, Забайкальцы, Сибиряки, не все ли равно — все одно, чужіе люди, незнакомыя мѣста. Я согласился.

3. Тяжелыя «ауспиціи»

Мое назначеніе прошло по всѣмъ нужнымъ инстанціямъ. Оставалось только закрѣпить его Высочайшимъ приказомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Назначеніе это меня далеко не удовлетворяло, но опять таки — «отъ службы не отказывайся». Воля Государя Императора была для меня священна, а эта воля была, чтобы я командовалъ Сибиряками.

Положеніе мое было не изъ легкихъ. Съ Сибирскимъ казачьимъ войскомъ, въ бытность мою начальникомъ казачьяго отдѣла Офицерской кавалерійской школы, у меня были счеты — и непріятные счеты. Я тогда ставилъ отдѣлъ по новому. Вводилъ, кромѣ ѣзды, выѣздки молодой лошади, вольтижировку, джигитовку, работу съ пиками, широко поставленную зимнюю и лѣтнюю полевую ѣзду, подготовлялъ отдѣлъ и къ парфорснымъ охотамъ. Мнѣ нуженъ былъ возможно болѣе молодой составъ учениковъ, во всякомъ случаѣ не старѣе сорока лѣтъ. Черезъ Начальника Школы, вполнѣ сочувствовавшаго моимъ начинаніямъ, я подалъ соотвѣтствующую докладную записку, направленную во всѣ войсковые штабы.

Всѣ войска, кромѣ Терскаго и Сибирскаго сразу откликнулись на мою просьбу посылать офицеровъ, физически годныхъ для новой и трудной работы въ отдѣлѣ. По вторичной просьбѣ и Терское сдало. Мой отдѣлъ помолодѣлъ и не уступалъ Офицерскому отдѣлу Школы. Но Сибирское войско опять точно нарочно прислало въ Школу есаула Р., человѣка за пятьдесятъ лѣтъ. На рубкѣ есаулъ Р. обрубилъ уши одной изъ лучшихъ лошадей отдѣла, сѣрой кобылѣ «Рыбкѣ». Идти на препятствіе для него было мукой. Не меньшей мукой было и для меня посылать этого старика на препятствія. Его постоянно обносили лошади и онъ только портилъ лошадей отдѣла. На пасхальной нашей преподавательской конференціи я представилъ есаула Р. къ отчисленію отъ Школы. Помощникъ начальника Школы

князь Багратіонъ, бывший тогда Правителемъ дѣлъ Школы полковникъ баронъ фонъ Дистерло и начальникъ офицерскаго отдѣла полковникъ Божеряновъ меня поддержали. Начальникъ же Школы генералъ Химецъ и начальникъ отдѣла наѣздниковъ полковникъ Мерчуле совѣтовали мнѣ не дѣлать этого по гуманитарнымъ соображеніямъ.

— Вы разрушаете карьеру офицера. Ему не дадутъ сотни.

— Все равно онъ не способенъ ею командовать. Гуманность? А если онъ убьется на нашемъ Красносельскомъ кругу? На мнѣ ляжетъ еще большая отвѣтственность.

— Вы вооружите противъ себя все войско! — говорили мнѣ.

— Я долженъ поступать по совѣсти, не считаясь ни съ кѣмъ. Ни по физическимъ качествамъ, ни по моральнымъ, есаулъ Р. не можетъ командовать сотней.

Есаулъ Р. выпивалъ не въ мѣру.

Его отчислили отъ Школы. Я вооружилъ противъ себя Сибирское войско. Въ это войско теперь я ѣхалъ командовать полкомъ.

Въ ожиданіи приказа я собиралъ свѣдѣнія о полкѣ. Я поѣхалъ въ Главный Штабъ къ дежурному генералу.

Генералъ Кондзеровскій сейчасъ-же меня принялъ.

Меня провели въ громадный высокій кабинетъ въ глубинѣ Главнаго Штаба, и я снова увидѣлъ своего стараго товарища. Онъ нисколько не измѣнился. Та-же наружная холодность, скрывающая внутреннюю сердечную теплоту и доброжелательство и та-же внѣшность безпристрастія, за которой скрывается дружеское, товарищеское отношеніе.

— Вотъ, какъ мы съ вами встрѣчаемся, — привѣтствовалъ меня Петръ Константиновичъ, — садитесь, прошу.

Я сѣлъ противъ него за его огромный столъ, заваленный бумагами. Нѣкоторое время мы молчали, глядя другъ на друга, какъ будто стараясь угадать, какія перемѣны